

От автора «И дети их после них»

КОН

НЕ

КОННЕМАРА

МА

РА

НИКОЛЯ
МАТЬЕ

Имена. Зарубежная проза

Николя Матье
Коннемара

«Азбука»

2022

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Матье Н.

Коннемара / Н. Матье — «Азбука», 2022 — (Имена. Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-33938-5

Название романа пахнет торфом и влажной травой, звучит в элитных бизнес-школах, на сельских свадьбах, в молодежных ночных клубах и на тихих семейных застольях. Все потому, что во Франции песню Мишеля Сарду об озерах Коннемары знают если не все, то очень многие. И герои романа не исключение. Элен скоро сорок. Родившись в маленьком городе на востоке Франции, она усердно трудилась, чтобы оставить провинцию и построить жизнь, достойную глянцевого журнала, которые она читала подростком. Однако теперь, когда у нее, кажется, есть все – муж, две дочери, успешная карьера и огромный дом, – она чувствует себя неудовлетворенной, словно годы жизни прошли зря. Кристофу недавно исполнилось сорок, и он никогда не покидал маленький городок, в котором рос. Он уже не так красив, как раньше, разведен, живет в родительском доме, развлекается, устраивая нелепые выходки с друзьями, продает собачий корм и лелеет мечту играть в хоккей, прямо как в шестнадцать лет, когда он был школьной звездой. Казалось бы, полный провал, однако Кристоф уверен, что все еще впереди. Их роман – беспощадно актуальная, откровенная, пропитанная меланхолией, надеждой и яростью история о любви. Но не только о ней пишет Матье: на страницах книги обретает голос не одно поколение французов. Единой песней звучат их крик, смех, плач, шепот, стон.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33938-5

© Матъе Н., 2022

© Азбука, 2022

Содержание

1	7
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николя Матье Коннемара

Посвящается Эльзе

Nicolas Mathieu
CONNEMARA

Connemara by Nicolas Mathieu

© ACTES SUD, 2022

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Финогенова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

1

Ее бесило все с самого утра. Для плохого настроения хватало одной мысли о том, что предстояло сделать, обо всех нерешенных проблемах, о вечной нехватке времени.

При том что Элен была очень организованна. Она составляла списки дел на неделю, держала в голове, если не в клеточках тела, продолжительность цикла стирки и купания младшей дочки, точно знала, сколько уйдет на то, чтобы сварить лапшу или приготовить и подать завтрак, отвезти дочек в школу или помыть волосы. Ох уж эти волосы, которые она раз двадцать порывалась отрезать, чтобы сэкономить два часа в неделю на уход – и те же двадцать раз останавливалась: неужели она должна отказать себе и в этом, лишиться своих длинных волос, сокровища, хранимого с детства?

Дни Элен были расписаны под завязку, из кучи мелких задач и состояла ее жизнь-головоломка. Порой она вспоминала пору отрочества – ведь лет до пятнадцати еще позволяется бездельничать: ничегонеделанье по воскресеньям, позже – ленивые похмельные утра. Безвозвратная пора, эти несколько лет, что в ретроспективе казались кратким мгновением. Мать тогда распекала ее, мол, валяется часами в кровати, вместо того чтобы пойти погулять. Сейчас же будильник поднимал ее в шесть утра по будням и выходным, так что она на автомате просыпалась в это время сама.

Иногда ее охватывало чувство, что ее обокрали, что она как будто себе не принадлежит. Теперь ее сон подчинялся высшим требованиям, ритм его стал семейным, профессиональным и в целом протекал в угодую коллективным целям. Мать могла ею гордиться. Элен была на ногах с утра до вечера, наконец-то приносила пользу и, сама став матерью, крутилась в том же колесе.

– Ты спишь? – произносит она тихонько.

Филипп, такой грузный по сравнению с ней, лежит на животе, рука под головой. Можно за мертвого принять. Она смотрит на часы – 6:02. Понеслось.

– Эй, иди буди девчонок, – говорит она громче. – Давай быстрее. А то опоздаем.

Филипп поворачивается во сне, и из-под одеяла исходит густая волна тепла, такого знакомого, такого плотного после совместной ночи. Элен уже поднялась, теперь она ищет свои очки в колючем холодке утренней спальни.

– Филипп, черт...

Муж что-то бормочет и поворачивается к ней спиной. Элен уже мысленно повторяет обязательные пункты плана на день.

Не разжимая зубов, она залезает под душ, потом бежит на кухню, по пути проглядев почту в телефоне. Макияжем она займется позже, в машине. По утрам с детьми на забалуешь, так что она наносит тональный крем и прочее уже после того, как забрасывает их в школу.

Очки на кончике носа, молоко подогрето, она рассыпает хлопья по детским мискам. По радио треплются двое журналистов, имена она запомнить не в состоянии. Время еще есть. Утреннее шоу на *France Inter* всегда настраивает ее на нужный лад. И вдруг, пока дом еще спит, кухня показалась ей островком, где она могла вкушать редкое мгновенье наедине с собой, сладкая самоволка, возможность спокойно выпить кофе. Всего 6:20, а ей уже хочется сигарету.

Она набрасывает на плечи теплую кофту и выходит на балкон. Опершись на ограждение, она курит, глядя на раскинувшийся внизу город, на первые красные и желтые всполохи на дорогах, на разрозненные огни фонарей. На соседней улице мусоровоз делал свое дело, тяжело вздыхая от натуги, мигая. Немного в отдалении маячила высокая башня, усеянная прямоугольниками окон, за которыми то и дело мелькали смутные тени. А за ней церковь. Справа геометрическая махина больницы. Центр с его мощеными улицами и соблазнительными витринами был далеко. Город Нанси, потягиваясь, пробуждался к жизни. Для октябрьского утра

было не так уж холодно. На кончике сигареты мерцал огонек; Элен быстро оглянулась через плечо и проверила свой телефон. На ее лице появилась улыбка, подсвеченная светом экрана.

Ей пришло новое сообщение.

Такая простая фраза, «Страшно жду», и, разумеется, прямо сейчас. Ее сердце заколотилось, она затаилась последний раз и встряхнулась. Уже 6:25, предстояло еще одеваться, везти девочек, лгать.

– Ты собрала рюкзак?

– Да.

– Мушка, ты не забыла про вещи для бассейна?

– Забыла.

– Надо было об этом подумать.

– Знаю.

– Я же сказала вечером, ты что, не слышала?

– Слышала.

– Так почему не подумала?

– Я не специально.

– Вот именно. А надо специально подумать.

– Никто не безупречен, – отвечала Мушка с видом мудреца и усами от «Несквика».

Малышке недавно исполнилось шесть, и она менялась на глазах. Клара в свое время тоже прошла стадию стремительного взросления, но Элен уже успела забыть это ощущение, когда ребенок внезапно превращается в *личность*. Так что она заново, как в первый раз, переживала период «вылупления» дочки из апатии младенчества, когда та вдруг перестала быть любопытным до всего детенышем, начала рассуждать, острить, выдавать сентенции, которые могли изменить атмосферу за столом, так что взрослые теряли дар речи.

– Так, ну мне пора. Всем пока!

Это Филипп появился в кухне, привычным жестом заправляя рубашку в брюки, огладив себя рукой от живота и до середины спины.

– Ты не позавтракаешь?

– Перехвачу что-нибудь в конторе.

Отец обнял дочерей, легонько чмокнул Элен в губы.

– Ты помнишь, что сегодня вечером забираешь девочек? – спросила она.

– Сегодня?

Шевелюра у Филиппа заметно поредела, но он все еще был красавец, атлетичный, в прекрасной форме, с блеском в глазах – этакий хулиган, любимец класса, хитрец, знающий где и как себя подать. И это бесило.

– Мы за неделю договаривались.

– Да, но, возможно, я задержусь на работе.

– Тогда позвони Клэр.

– Дашь ее номер?

Элен диктует ему номер и советует позвонить как можно быстрее, чтобы не оказалось, что та занята.

– Да-да, – сказал Филипп, забивая информацию в телефон. – Ты поздно вернешься, не знаешь?

– Вряд ли, – ответила Элен.

На ее щеках вспыхнул румянец, а блузка вдруг стала резко тесна.

– Как же это достало, – сказал Филипп, быстро проверяя почту на телефоне.

– Не то чтобы я гуляю до ночи. И позволь тебе напомнить, что ты сам вернулся в девять вчера и позавчера.

– Работа, у меня работа, что я еще могу сказать?

– Да, а я так, фигней страдаю.

Филипп оторвал взгляд от экрана телефона, на его лице появилась та самая странная улыбочка, губы словно щель. Его фирменный вид: да плевать я на все хотел.

С тех пор, как они переехали жить в провинцию, он, казалось, решил, что больше ничего ей не должен. В конце концов, он оставил ради нее престижный пост в АХА, своих товарищей по бадминтону, да и в целом перспективы, несравнимые с теми, что ждали его в этих краях. А все потому, что жена больше «не вывозит». Кстати, она уже немного пришла в себя? Этот вынужденный переезд сделал их кредитором и должницей. Во всяком случае, такое впечатление создалось у Элен.

– Ладно, до вечера.

– До вечера.

Элен повернулась к дочкам:

– Так, зубы, одевайтесь, и на выход. Мне линзы нужно надеть. И дважды я повторять не буду.

– Мама... – начала было Мушка.

Но та уже вышла из кухни – волосы в пучок, ягодички напряжены, – чтобы проверить мессенджер по пути на второй этаж. Манюэль прислал новое сообщение, и она снова ощутила ту самую сладкую дрожь, трепыхание в груди, точно, как было в пятнадцать лет.

Полчаса спустя: девочки в школе, сама она, добравшись до работы, на автомате просматривает сегодняшнее расписание. В десять встреча с людьми из «Винчи». В два часа дня – перезвонить тетке в «Поретт», на цементный завод в Дезе. Там намечались сокращения, а у Элен созрел план реорганизации смежных служб, который позволил бы сохранить пять рабочих мест. Согласно расчетам, она могла сэкономить им около пяти тысяч евро в год, изменив штатное расписание и оптимизировав отдел закупок и автопарк. Ее шеф, Эрванн, так и сказал: «В этот раз нельзя опозориться, это гиперважная история, невозможно облажаться». Потом, в четыре, ее долгожданная презентация в мэрии. Перед тем как отправиться туда, ей нужно еще раз проверить слайды, поручить Лизон распечатать материалы для всех участников, причем с двух сторон листа – не приведи бог какой-нибудь безумный экоактивист устроит ей разнос. Не забыть про персонализированный титульный лист для каждого. Знала она этих сотрудников администрации, начальников отделов, всю эту свору никому не нужных, держащихся за свое кресло чинуш, составлявших гвардию муниципалитета. Они чуть не писали в штаны от счастья, видя свою фамилию на обложке или на первой странице официального документа. Перейдя на определенный уровень своей слегка буксующей карьеры, именно отмежеваться от мелкой сошки, выпендриться среди коллег становилось для них важнее всего.

А вечером у нее свидание...

Дорога от Нанси до Эпиналя, как правило, занимала меньше часа. Значит, она даже не успеет заскочить домой принять душ. Но в любом случае, переспать в первый же вечер не вариант. Она снова говорит себе, что надо все отменить, что она не должна... Но Лизон уже ждала ее на парковке. Привалившись спиной к стене, девушка жадно сосала свой вейп, и ее забавная мордашка терялась в облаке яблочно-коричного пара.

– Ну что, готова?

– Куда там... Мне нужно, чтобы ты распечатала материалы для мэрии. Сберище в четыре.

– Все готово со вчера.

– С обеих сторон?

– Конечно – я что, похожа на экотеррористку?

Они поспешили к лифту. Пока кабинка поднималась к офису «Элексии», Элен старалась избегать взгляда своей стажерки. В кои-то веки на лице девушки отсутствовало вечно сонное выражение, напротив, она вся сияла, словно это ее вечером ждало свидание. Лифт распахнул двери на третьем этаже, Элен вышла первая.

– За мной, – бросила она, двинувшись через бесконечный холл, где размещался огромный опенспейс отдела консалтинга – целый архипелаг столов, между которыми вилась узкая красная ковровая дорожка, и бесчисленные растения в горшках, зеленеющие под снопами света, льющего из высоких окон. Тут и там стояли красные кресла и диванчики, приглашавшие отдохнуть с комфортом. В глубине зала размещалась полностью оборудованная кухня, где можно было разогреть домашнюю еду и потрепаться про чьи-то давно забытые контейнеры в холодильнике. Единственные отдельные помещения располагались в мезонине: конференц-зал, так называемый куб, и кабинет шефа. Вот в этом кубе, подальше от нескромных ушей, и укрылись Элен с Лизон.

– Я затеяла глупость, – начала Элен.

– Брось, ничего подобного. Все пройдет отлично.

– Целый день пью в телефон, как идиотка. А ведь у меня работа. Дети. Черт знает что такое. Я не должна позволять себе такие штучки. Надо все прекратить.

– Подожди!

Случалось, что Лизон забывалась и начинала «тыкать» своей начальнице. Элен не возражала. Она частенько выкладывала душу этой чертовке. Надо сказать, что девка выглядела классно в конверсах и кутюрном пальто из секонд-хенда, со своим немного лошадиным лицом с удлинёнными зубами и слишком широко расставленными глазами, что, впрочем, ничуть ее не портило. Надо сказать, что с ней жизнь Элен сильно изменилась. До появления Лизон на горизонте она частенько чувствовала, что вот-вот сорвется.

На первый взгляд у нее было все: дом по индивидуальному проекту, ответственная работа, семья как с картинки в *Elle*, завидный муж, даже гардеробная. Здоровье в порядке. Но нечто трудно уловимое подтачивало ее изнутри, странное ощущение пресыщенности и одновременно нехватки чего-то. Эта внутренняя трещина постоянно терзала ее.

Впервые беда дала о себе знать четыре года назад, когда они с Филиппом еще жили в Париже. В один прекрасный день Элен просто заперлась в кабинке офисного туалета, потому что больше просто не могла смотреть на лавину новых сообщений в почте. А вскоре это вошло у нее в привычку. Она пряталась там, чтобы не ходить на совещание, не встречаться с коллегой, не отвечать на телефонные звонки... Она часами просиживала так на унитазе, улучшая свой счет в «Кэнди краш», неспособная ни на что реагировать, с наслаждением продумывая способы самоубийства. Мало-помалу самые тривиальные вещи стали казаться невыносимыми. Например, она могла неожиданно для себя разрыдаться в корпоративной столовой, потому что снова увидела в обеденном меню тертую морковь и картофельные шарики. Даже перекуры больше не радовали. Что же касается самой работы, она больше не вызвала у нее никакого интереса. К чему все эти таблицы Excel, бесконечные бессмысленные совещания, а уж лексикончик! Когда в ее присутствии произносили слова вроде «импактировать», «кикоффнуть», «приоритизировать» – она думала, ее сейчас стошнит. Под конец она уже не могла слышать без рвотных позывов даже звук при включении своего макбука.

Вдобавок у нее началась бессонница, стали лезть волосы, она теряла в весе, обнаружилась экзема на коленях. Однажды в транспорте, уставившись на бледную макушку незнакомца, что просвечивала сквозь зачесанную набок прядь, Элен чуть не потеряла сознание. Она всюду ощущала себя чужой. Ей хотелось исчезнуть. Она падала в пропасть.

Доктор с долей неуверенности диагностировал выгорание, и Филиппу пришлось с тяжелым сердцем согласиться на отъезд из Парижа. В провинции, по крайней мере, их ждало улучшение качества жизни, они могли позволить себе просторный дом с большим садом, не говоря уж о том, что в этих гостеприимных краях было вполне реально получить место в яслях, не переспав с кем-то из руководства. Кроме того, неподалеку жили родители Элен и могли время от времени быть на подхвате.

В Нанси Элен сразу нашла работу благодаря Эрванну, другу мужа, директору «Элексии» – компании, предоставлявшей консалтинговые и аудиторские услуги, рекомендации по подбору персонала, в общем, все то же самое. Спустя несколько недель смена обстановки и ритма жизни позволили ей почти избавиться от переживаний. Но ненадолго. И теперь, пусть она еще не докатилась до тотальной депрессии, но снова ощущала себя несчастной, не на своем месте, часто уставала, огорчалась по пустякам или злилась без причины.

Филипп не знал, что делать с ее мрачными закидонами. Пару раз они пытались это обсуждать, но у Элен возникло ощущение, что он ей подыгрывает – словно специально напяливая маску сочувствия, точно, как он делал, говоря по видео со своими коллегами. В сущности, он вел себя с ней, как со всеми прочими: подминал ситуацию под себя.

Но, к счастью, однажды в состоянии крайней усталости она натолкнулась на забавное резюме с запросом о стажировке. Как правило, подобные письма до нее не доходили или же она сразу отправляла их в корзину. Однако это привлекло ее внимание своей до абсурда простой формой – без фото, без упоминания всех этих благоглупостей, умений, навыков, позитивных хобби и прочих «прав категории В». Это был бесхитростный документ Word: имя, Лизон Лагасс, адрес, номер мобильного, год окончания магистратуры по экономике и разношерстный список мест работы. Ресторан «Леон де Брюксей», компании «Делуатт», «Дарти», «Барклеиз», даже рыбозавод в Шотландии. Вместо того чтобы отказать кандидату через службу набора персонала, как полагалось по протоколу, Элен взяла и позвонила ей, из любопытства. Потому что девушка ей ужасно кого-то напомнила. Лизон сразу же ответила на звонок. Она разговаривала певучим, звонким голосом, то и дело прерывая речь смехом – ее способ ставить знаки препинания. Она отвечала на вопросы «ага», «да бросьте», «ясное дело», с веселой, заговорщицкой интонацией, не особенно стараясь понравиться. Элен тут же назначила ей встречу в офисе после семи вечера, когда опенспейс почти опустел – словно втайне. Лизон явилась вовремя, она оказалась высокой, энергичной и худощавой, в джинсах-скинни и мокасынах с бахромой, разумеется, с челкой и удлинненным лицом с немного лошадиными зубами и неизменно широкой, порой ослепительной улыбкой.

– Резюме у вас довольно чудное. Как вы попали из «Делуатт» в «Дарти»?

– Обе на первой линии метро.

Элен улыбнулась. Парижанка... Подобные девицы много лет отпугивали ее своей особенной гиперэлегантностью, врожденным умением везде быть своей, неспособностью толстеть и уникальной манерой царственно, без слов, но каждым своим жестом показывать, мол, хочешь быть стоящей телочкой – повторяй за мной. Странно было увидеть одну из них здесь, в конторе Нанси на исходе дня. У Элен возникло чувство, будто она вдруг получила открытку из мест, где некогда провела не самый приятный отпуск.

– И как вы оказались здесь?

– А-а! – Лизон пренебрежительно отмахнулась. – Меня погнали из художки, а мать нашла здесь кавалера.

– И как, привыкаете?

– Местами.

Элен тут же взяла Лизон на работу, переложив на девушку всю отчетность, которую взвалили на нее саму с тех пор, как Эрванн принялся рьяно бороться за оптимизацию расходов, решив «усовершенствовать процесс». Это выливалось в необходимость обосновывать все до одной поездки, вносить самые ничтожные задачи в безразмерную таблицу, искать в длиннющих выпадающих меню запутанное определение действий, которые раньше вообще не брали в расчет, – то есть ежедневно тратить целый рабочий час на оправдание остальных восьми.

Против всяких ожиданий Лизон справлялась с этим блестяще. Спустя неделю она уже знала каждого сотрудника и все секретки конторы. Объяснялось это просто: ее все забавляло, и она парила над опенспейсом этакой феей, деятельной и беспечной одновременно, порой

бесила, но в целом все ее ценили; ноль стресса, все ей нипочем, всегда на позитиве – настоящая Мэри Поппинс офисного люда. Элен, которая постоянно боролась с собой и метила в партнеры Эрванна, эта легкость казалась чем-то из области фантастики.

Как-то вечером за пинтой пива в баре по соседству Элен вдруг обуяло любопытство:

– Слушай, тебе кто-нибудь нравится в конторе?

– На работе? Это исключено.

– Но офис – главное место для знакомств.

– Я предпочитаю не смешивать. Слишком на виду, особенно в опенспейсе. И потом, мужики так и выются вокруг тебя весь день, как стервятники. А сплетницам только дай повод перемывать тебе косточки, хлебом не корми.

Элен хохотнула.

– Тогда каков твой метод? Ходишь куда-нибудь? На дискотеки?

– Ой, нет! Здешние клубы – просто отстой. Я делаю как все: рыщу по интернету.

Элен улыбнулась через силу. Их разделяло меньше поколения, а ей были совершенно неведомы новомодные приемы флирта. Благодаря Лизон она в том числе узнала, что способы знакомства, продолжительность отношений, взаимный интерес (или нет) после этого, смена партнеров, терпимость к параллельным связям, их пересечение и совпадение во времени – в общем, все правила любви и сексуальной жизни изменились кардинально.

Что изменило картину в первую очередь, это появление мессенджеров и социальные сети. Когда Элен призналась девушке, что даже не слышала об интернете до самого лица, та посмотрела на нее с сочувственным изумлением. Конечно, она знала, что цивилизация существовала и до интернета, но в ее представлении это время помещалось в черно-белый спектр, где-то между пактом Молотова – Риббентропа и высадкой человека на Луну.

– Но все же... – со вздохом заключила Элен. – Результат финального экзамена я узнавала уже через учебный сервис *EduNat*, или как он там назывался.

– Что?..

Поколение Лизон росло в интернете с пеленок. В коллеже, например, она проводила целые вечера, флиртуя онлайн с идеальными незнакомцами через ноутбук, подаренный ей родителями на успешное окончание школы, болтая без конца о сексе как со своим ровесниками, так и с извращенцами под полтос, настукивающими текст одной свободной рукой, парнями из Сингапура, а то и с соседом, которого она не удостоила бы и словом, окажись они рядом в автобусе. Позже она любила развлекаться на мобильнике, пускаясь в долгосрочную любовную переписку с кучей парней, которых знала лишь мельком. Достаточно было зайти на страничку сокурсника, который тебе нравится, обменяться приветствиями, и понеслась. Такими цифровыми ночами общение шло на бешеной скорости, уничтожая расстояния, ожидание становилось невыносимым, сон поверхностным, приватность недопустимой. Лизон и ее подружки вели одновременно три-четыре переписки. Поначалу невинные, в шутовском тоне, очень скоро они приобретали личный характер. Люди начинали делиться своими проблемами, тем, как достали родители, что девушка оказалась шлюхой, что препод по физике и химии реально извращенец и нарцисс. После одиннадцати часов, когда все домашние засыпали, переписка парочек становилась еще более конспиративной. Возбуждение нарастало. Свои фантазии выражали скупой, словно кодами, шифровкой. Все заканчивалось обменом фотками в белье или с эрекцией, откровенными съемками снизу, строго между ними.

– Самый жир – снять фотку своей задницы, но так, чтобы тебя не узнали. На всякий.

– А не было стремно, что парень поделится со своими друганами?

– Естественно. Такова расплата.

Эти снимки, сделанные в постели, селфи в полумраке, более-менее отточенный эротизм становились этакой подпольной разменной монетой, утаиваемой от родителей, незаконной валютой, на которой держался целый рынок вождения, постоянно под угрозой разоблаче-

ния. Потому что случалось, что личное оказывалось в общедоступном интернете и фото почти голой девчонки вирусилось в сети.

- Одной моей подружке пришлось сменить школу.
- Ужас какой.
- И это еще не самое худшее.

Элен заглатывала эти истории с жадностью, словно чипсы – они оставляли смутно противное ощущение, но остановиться было невозможно. Она волновалась и за своих дочек, не зная, как они справятся с этими угрозами нового свойства. Но, если честно, от всего этого у нее по телу разливался жар. Она завидовала желаниям, увы, не на нее направленным. Чувствовала себя ущербной оттого, что не имела к ним доступа. Вспоминала о том периоде, когда возбуждение было ее постоянным спутником. Она призналась своему терапевту:

- Я чувствую себя какой-то старушкой. Все это для меня позади.
- Опишите ваши ощущения, – сказал ей терапевт, меняя тему.
- Досада. Грусть.

Наглец даже не удосужился записать это в свой блокнотик.

Время пролетело так быстро! От получения диплома до сорокалетия ее жизнь неслась со скоростью пригородного поезда. И в один прекрасный день он выбросил ее на полустанке, который никогда не значился в планах: теперь у нее были другая фигура, мешки под глазами, поредевшие волосы, раздавленная задница, дети на шее, муж, твердивший, что любит, но вечно готовый слинять, если нужно разобрать стирку или посидеть с девочками во время забастовки учителей. На этой станции мужчины ей попадались не особо часто. И теперь она, несмотря ни на что, скучала по их жадным, некогда столь возмутительным и, безусловно, оскорбляющим ее взглядам. Казалось, все изменилось по щелчку пальцев.

В пятницу вечером в пабе «Гэлусэй» Элен наконец решила открыться Лизон.

– Меня депрессирует от всех твоих парней. Я хочу сказать, меня угнетает мысль о том, что мое время прошло.

- Глупости какие. Да у вас суперпотенциал. На «Тиндере» за вас резня начнется.
- Да брось. Если ты решила надо мной посмеяться...

Но Лизон утверждала: в мире полно озабоченных, которые душу продадут, чтобы заполучить такую красотку в свою постель.

– Грубая лесть, – заметила Элен, опустив глаза.

Разумеется, она слышала краем уха о подобных приложениях. Сайты мониторинга развития технологий, которые она просматривала, на все лады расхваливали эти новые модели. Они привлекали миллионы одиноких людей, стимулируя знакомства с помощью все более тонких настроек своих алгоритмов выбора и случайных увлечений, заодно беря под контроль, через каналы мгновенной связи и игривый интерфейс, как сексуальные фиаско, так и шанс на любовь с первого взгляда.

Не откладывая дела в долгий ящик, Лизон создала профиль Элен, для начала запостив чужие фото из интернета, две со спины, одну размытую. А что касается «краткой информации о себе», та решила указать в пользу минимализма с щепоткой провокации: «Элен, 39 лет. Найди меня, если ты мужчина». В остальном дело было за малым.

– Появляется мужчина, портрет, две-три фотки. Если проходит твой фейсконтроль, свайпаешь вправо. Нет – налево, и забудь о нем.

- То же самое происходит и с моими фото?
- Именно. Если вы понравились друг другу, начинаете общение.

Опершись локтями на стойку, начальница и стажерка погрузились в масштабный анализ регионального контингента свободных мужчин и спонтанных изменщиков. Результат оказался довольно забавным, показав, что красавчики в большом дефиците. В округе в основном паслись мужички а-ля мелкие мафиози, позирующие с голым торсом на фоне своих «Ауди»,

жертвы развода в очочках без оправы, набриолиненные риэлторы и туповатого вида пожарные. Крошка Лизон без малейшей жалости отправила всю эту компанию в преисподнюю налево, оставив лишь одного, отдаленно напоминавшего Джейсона Стэйтема, да для смеха второго – совершенного тюленя. Каждого Лизон прикладывала колким комментарием, и постепенно пьянеющая Элен хохотала.

– Стой, этот еще несовершеннолетний!

– Плевать, мы же не на выборах.

– А этот, погляди на причесон!

– Отвечаю, нью-йоркский стиль.

Сама же Лизон испробовала «Тиндер» в городах-эталонах. Нью-Йорке и Лондоне, откуда привезла истории потрясающего улова. Ведь в городах с дикой нехваткой жилья, с ежесекундной конкуренцией приходится вкалывать без продыху, чтобы держаться на плаву, и не хватает времени буквально ни на что, ни на шопинг, ни на секс. Вот и пользуются напропалую онлайн сервисами, чтобы заполнить как постель, так и холодильник. Познакомились, обменялись парой слов за обедом, позже по дорожному коктейлю в районе семи – и, быстренько разведшись, наскоро потрахались в крохотной квартирке, в процессе думая о срочных письмах, которые продолжают сыпаться в почту. Это существование словно на лезвии бритвы, стремительное и травматичное, время от времени всплывающее в соцсетях, без слез и гримас, создавало извращенную иллюзию вечного настоящего.

Понятно, что здесь, между Лаксу и Вандевром, все было иначе.

– И ты тут постишь свои настоящие фотки? – спросила Элен. – Не пугает, что кто-то тебя узнает?

– Да все так делают. А когда все у всех напоказ, стыд исчезает.

Тут всплыло сообщение Филиппа, так или иначе нарушив атмосферу. «Девочки спят. Тебя ждать?» Элен расплатилась за напитки, подвезла Лизон и благоразумно удалила приложение, перед тем как войти в дом.

А на завтра установила его снова.

Она почти мгновенно усвоила суть системы, расширив свой диапазон поиска до двадцати четырех километров и дополнив профиль собственными фотографиями, которые, однако, не позволяли ее узнать. Все могли полюбоваться ее длинными ногами, ее столь соблазнительными губами, иногда, особенно после сна, по утрам, или когда она была обижена, напоминавшими утиный клювик. Еще один бомбический ракурс – она сидит на краю бассейна, позволяя детально рассмотреть свои бедра, попку – может, довольно увесистую, но подтянутую, – красивый загар. Сначала она подумывала, не поместить ли еще отдельно фото своих глаз медового цвета, с наступлением летних дней обретавших миндально-зеленоватый оттенок, но потом отказалась от этой мысли. Она тут не ради романтики.

Вскоре Элен уже день-деньской сидела в приложении – каждый *мэтч* подогревал ее самооценку, каждый комплимент поднимал на новый пьедестал. Однако вся это волна анонимного желания не уменьшала досады. Мысль «на кой оно все», ощущение ущербности не сглаживались. Однако это приносило мизерное, почти автоматическое удовлетворение, плюс удовольствие от самой возможности «выбирай – не хочу». Впрочем, желание и вежливо выраженный интерес всех этих незнакомцев придали ее жизни новых красок. Она чувствовала, что буквально возродилась, и забывала об остальном. Бывало даже, что какой-нибудь бедняга, слишком застенчивый или некрасивый, вызывал у нее угрызения совести.

Прошло какое-то время, и ее внимание стал все больше занимать один парень. Он тоже прятал свое лицо, но под картинкой панды. А его био отличалось от стандартных текстов. «Манюэль, 32 года. Ищу красивую и умную женщину, которая поможет мне забыть о неудачном браке. Очень круто, если ты правых взглядов и пользуешься любимыми духами моей мамы».

Элен это позабавило, и она спросила, что за духи.

«*Нина Риччи*», – ответил он.

Может, у нас что-то получится.

С этого момента они стали регулярно переписываться. Поначалу Элен сохраняла дистанцию и этакий слегка ироничный тон. А потом Филипп уехал на тренинг в Париж, и она три ночи оставалась дома одна. От шуточных разговоров они перешли к доверительным, полным намеков. В темноте спальни было видно лишь ее лицо в голубоватой подсветке, и часы пролетали как мгновение. Ее охватывали приливы жара, мучили бессонница, резь в глазах, и после их бесконечных разговоров она долго ворочалась в постели. По утрам она выглядела страшилищем, а первым позывом было проверить сообщения. Буквально пара слов от него – и Элен переполняла радость. Час молчания – и она начинала воображать самые худшие несчастья. Можно сказать, теперь она жила в мире грез. И в конце концов согласилась на реальную встречу.

Но теперь, когда та была на носу, Элен трясло от сомнений. И в кубе, и в мезонине ее вдруг охватывали страх и предчувствие горького раскаяния. Лизон, напротив, не теряла уверенности.

– Все пройдет хорошо. Вам просто надо привыкнуть, и все дела.

– Нет, надо остановиться. Такие штучки не для меня.

– Это из-за вашего мужа?

Элен перевела взгляд на окно. Небо, уже грозовое, набухшее, нависало над городом, над россыпью зданий. Внизу переплетения рельсов полупустых скоростных и региональных поездов тянулись вдоль покрытых граффити ограждений. Эрванн так и хотел: чтобы офис буквально доминировал над городом. Всегда нужно стремиться выше, видеть мир глобально.

– Дело не в этом, – соврала Элен. – Просто день неподходящий, вот и все. Еще это совещание в мэрии. Три месяца уже бьемся над проектом.

– Не лучшая тактика отменять свидание в последний момент. Парень не будет даже знать, где вы находитесь и вообще, что стряслось.

Элен взглянула на нее. Совсем еще юная – конечно, ей кажется, что все возможно... Ей захотелось уколоть Лизон, в отместку за все время, что было у той впереди.

– Достала ты меня с этой херней, я давно не соплюха...

Лизон поняла намек и испарилась без лишних слов. Оставшись в одиночестве, Элен посмотрела на свое отражение в окне. Сегодня на ней были новая юбка от «Изабель Маран», изящная блузка, кожаная куртка, каблуки. Принарядилась ради этого Манюэля, ради кретинов из мэрии. В глубине души она внезапно разозлилась на себя. Неужели это то, к чему она шла всю жизнь?

Именно этот момент выбрал Эрванн, чтобы ворваться в куб с планшетом в руке, небритый, всклокоченный, представительный живот обтянут синей рубашкой недешевого бренда.

– Ты видела мейл Кароль? Они вконец охамели. Честно говоря, я сразу форварднул его адвокату, у меня все это уже вот где. А так в целом ты готова, завтра же встреча века?

– Да, я еще вчера подтвердила.

– Супер, я как-то не заметил. А как с мэрией? Все готово?

– Да, к четверем я буду на месте.

– Это точно, мы готовы на все сто?

– Все схвачено.

– На этот раз нам нельзя облажаться. Если удастся зацепиться, дальше будем бабки лопатой грести. Я тут обедал с директрисой по обслуживанию клиентов. Они хотят перестроить все снизу доверху. Если мы удачно зайдем, то получим добро на участие в будущих тендерах.

– Все пройдет лучше не бывает, не волнуйся.

На миг Эрванн вышел из своего базового режима распаленного эгоцентрика и вперил в нее свои золотистые глазки. В бизнес-школе *ESSEC* они вместе с Филиппом возглавляли студенческий совет и двадцать лет спустя все еще любили похвастаться, как немного потрясли общую кассу, чтобы позволить себе уикенд на курорте Валь Торанс. Так что Эрванн знал про Элен всю подноготную – какой вуз она окончила, про нервный срыв в Париже, про дочек, которые не позволяли ей работать по вечерам, про ее бывшие достижения, про слабости, а может, и более интимные вещи.

– Я тебе доверяю, – сказал он.

– Кстати, нам тоже надо бы пообщаться.

– На тему?

Он прекрасно знал, на что она намекает. Элен взяла себя в руки и пропустила мимо ушей его попытку изобразить невинность.

– Ты же помнишь. Речь о моем повышении в компании...

– Да-да-да. Надо непременно обсудить этот момент. Безусловно, это входит в число моих приоритетов.

У Элен в голове пронеслись сцены кровавых убийств. Уже который месяц она дожимала Эрванна, чтобы ее перевели с должности старшего менеджера (малозначимой в столь небольшой компании) в полноценные партнеры, но, хотя Эрванн был согласен на словах, на деле никаких сдвигов не происходило.

– Значит, так, – сказала она. – В этом месяце я отфигачила больше рабочих дней, чем в принципе бывает. Я пашу как проклятая и отлично знаю, что ты хочешь продаться жирной акуле консалтинга. Предупреждаю, ни при каких условиях я не стану десятой спицей в колесе какого-нибудь «Маккинзи».

– Да не вопрос! – воскликнул Эрванн с наигранным энтузиазмом. – Ты же прекрасно знаешь мою тактику – прибирать таланты к рукам. Не переживай вообще!

Элен решила, если он издевается над ней, уж она ему крови попортит. Такого рода фразы могут утешить, ничего не подразумевая, особенно если сказаны для самоуспокоения. В довольно воинственном настроении Элен вернулась в опенспейс – остальные консультанты сидели где придется, каждый в своем углу, в наушниках, уставившись в экраны. Они получали от сорока до девяноста тысяч в месяц и даже не имели собственного стола. Она во что бы то ни стало должна выбраться из этого болота посредственностей. Как и всегда, цель одна. Преуспеть.

* * *

Встреча должна была пройти на цокольном этаже мэрии, в помещении без окон, освещаемом неоновыми лампами, с дешевыми столами из композита, выстроенными подковой, и офисной доской с маркерами. Элен приехала раньше всех, проверила, работает ли проектор и, подключив свой ноутбук, прогнала несколько слайдов. Убедившись, что все в порядке, она в ожидании присела, скрестив ноги, и машинально пролистала телефон. Манюэль успел прислать ей три новых сообщения, суть которых сводилась к одному. «Жду не дожусь». «Без конца думаю о тебе». «Скорей бы вечер». Мило, но дико пафосно. Однако она не должна слишком на это отвлекаться. Ей хотелось что-то ответить, чтобы пригасить его пыл, и она зависла – на самом деле, просто не знала, что написать. В этот момент в зал вошли двое мужчин, оставив дверь приоткрытой, и Элен с широкой улыбкой вскочила на ноги. Одного она мельком знала: молодой, но уже с залысинами, в ботинках *Church's* и пиджаке по фигуре. Орельен Леклерк. Он вроде как был личным помощником директора по коммуникациям. Правда, злые языки поговаривали, что по блату. Как бы то ни было, он окончил элитную школу *Science Po*, и обычно ни один разговор не обходился без того, чтобы он не ввернул этот факт.

Второй вошедший, лет пятидесяти, этакая жердь с еще более гладкой черепушкой, в белой рубашке под пуловером с круглым вырезом, с плетеным браслетиком на запястье и пронзительным взглядом, протянул ей богатырскую ладонь.

– Давид Шнайдер. Возглавляю службы инфраструктуры.

– А, очень приятно, – отвечала Элен.

Тут в беседу вмешался Леклерк, уточняя важные детали. Совещание пройдет в узком кругу – месье Полити, руководитель отдела по цифровым коммуникациям, будет отсутствовать. У него другая встреча, а именно совещание с префектом. Да и ладно, обойдемся без него.

Элен снова расплылась в улыбке. Конечно, она понимает. Подумаешь, потратила каких-то стопятсот часов, чтобы распутать чудовищный клубок ИТ-служб этого городка, хаос связей, достойный русского романа, в котором деньги и человеческие усилия исчезают в невообразимых воронках решений как результата «сотрудничества» не менее трех отдельных структур. В течение всего времени аудита она просто диву давалась, как эта вавилонская башня до сих пор не рухнула. Возведенная в культ лень, размытая иерархия, взаимная вековая ненависть административных служб породили воистину цифровой Чернобыль. При мысли о простых людях, доверивших номера своих банковских карт этой кондовой, почти советской системе, охватывало недоумение.

– Сами управимся, – заметил Шнайдер, невозмутимый, словно айсберг. – Подумаешь, проблема.

– В любом случае, наш проект еще на старте, – встрял Леклерк. – В принципе можно разработать методику с ключевыми пунктами, которые позже утвердит директор. Эта наша обычная схема взаимодействия с подрядчиками.

– Конечно, но это не совсем то, о чем мы договорились с месье Полити. Кроме того, мы уже довольно далеко продвинулись в планировании.

– Такова ситуация, – брякнул Шнайдер.

Элен переводила взгляд с одного на другого: помощничек был от себя в восторге, Шнайдер излучал уверенность. Она повидала немало подобных персонажей, смысл существования которых заключался в том, чтобы распускать хвост на совещаниях и левой ногой руководить чиновниками с буксующей карьерой, распределять муниципальные плюшки по бесконечной цепочке зависимых субподрядчиков, под настроение надавливая на кого надо и кормя всех пустыми обещаниями.

– Отлично, – сказала она. – Так и сделаем.

Элен начала выступление по классике – обозначила сильные и слабые стороны организации, перечислила риски (четыре из которых представлялись критическими для системы в целом), а завершила изложением возможностей, что заняло не больше минуты. Она говорила уверенным голосом, ловко управляя пультом, время от времени приближаясь вплотную к экрану, чтобы указать пальцем на элемент, к которому хотела привлечь их внимание. Ее аргументация подкреплялась статистическими данными, не помещенными в таблицу, но выученными наизусть – обычно этот прием производил впечатление. Затем она остановилась на типичных случаях, провела бенчмаркинг конкурентов, затронула элементы функционала организаций. Сначала слушатели были все внимание, но постепенно начали шушукаться, пропускать ее объяснения мимо ушей, с головой уйдя в чтение почты и отправку сообщений. В какой-то момент Элен показалось, что Леклерк смотрит ролики в соцсетях. Прямо перед тем, как перейти к рекомендациям, она нарочно уронила пульт от проектора на пол. От удара крышечка отскочила, и батарейки разлетелись по полу с приглушенно-пластиковым и звонко-металлическим звуком. Оба чиновника так и подскочили на месте, а Леклерк даже покраснел до корней волос.

– Что это с вами? – воскликнул Шнайдер.

– Мы вас слушаем! – примирительно заметил Леклерк.

Элен стояла в паре метров от них, вытянувшись в струнку и крепко сжав зубы. Она тайком размышляла, что выгоднее, принять ситуацию или вступить в конфликт. Думала о чистом доходе компании, о ценных связях, которые, безо всяких сомнений, имели эти двое с коллегами в различных местных представительствах власти: в совете департамента, агентстве регионального здравоохранения, министерстве образования и других органах управления.

– Простите, руки-крюки, – сказала Элен.

Она починила пульт и завершила презентацию в атмосфере напряженного молчания. Леклерк ушел еще до окончания, сославшись на срочную необходимость. Шнайдер поздравил ее с отлично проделанной работой. Однако он был совершенно не согласен с ее выводами, которые считал паникой безо всякого основания.

– Мы прошли аудит в прошлом году и получили более взвешенное заключение. Самое главное в таких сложных системах, как наша, – это применение механизмов, предполагающих постоянное усовершенствование. Нельзя перевернуть все с ног на голову за один день.

– Разумеется, – отвечала Элен.

Конечно, она видела результаты этого пресловутого аудита, проведенного внутренними силами, со всеми недоглядками и ловкой казуистикой: они сильно смахивали на отчеты службы собственной безопасности. Бессовестное очковничество.

– В любом случае, спасибо вам. – продолжал Шнайдер. – Мы изучим ваш доклад всей командой. Отличная работа! Особенно анализ текущей ситуации. Что касается ваших рекомендаций по стратегии, полагаю, это может привести к положительным изменениям.

– Безусловно, – сказала Элен.

А когда он предложил назначить еще одну встречу, чтобы все обсудить, но не назвал конкретной даты, она поняла, что это дохлый номер.

Она чуть ли не бегом покинула мэрию и зашагала по новенькому асфальту тротуара в полном расстройстве. Поднимаясь по лестнице к парковке, Элен взглянула на часы. Слишком поздно, в контору она не успевала. Подумала о девочках, няне и Филиппе. Надо бы позвонить Эрванну, объяснить, что произошло. На самом деле, все было ясно задолго до этого совещания. Шнайдеру удалось отправить ее в нокаут, хотя весь этот бардак организовал он лично. Годами он лавировал между встречами и звонками по конференц-связи, ноль в плане управления подчиненными, вездесущий интриган, пудривший мозги руководству псевдотехнической брехней и изводивший сотрудников бессмысленными, никогда и ни к чему не приводящими указаниями. Должно быть, он закрыл этот вопросик за обедом с Полити или генеральной директрисой по обслуживанию клиентов где-то между филе морского окуня и фруктовым карпаччо, высказав несколько любезных наблюдений насчет отчета «Элексии» и упомянув между делом политику – понятие, которое в этих кругах оправдывало самое вопиющее бездействие, самые абсурдные махинации и в одну секунду сводило на нет любое проявление доброй воли. Вскоре созданный им неповоротливый механизм, казалось, превратился в букет сложнейших компромиссов, способных разлететься вдребезги от малейшего вмешательства, что повлекло бы значительные нарушения, вначале среди персонала, а затем в операционной системе. А это вылилось бы в недовольство пользователей – крайне нежелательный поворот, учитывая, что недавно пресса раскопала информацию о субсидиях, выданных религиозным ассоциациям, которые взяли на откуп общественные сады в Лаксу, что под Нанси. Типы вроде Шнайдера собаку съели на том, чтобы маскировать ими же устроенный хаос за недоступными простому люду механизмами, выдавая свои промахи за необходимость, а подлость – за дипломатию. В общем, он ее сделал, чего уж там.

На асфальт упало несколько робких капель. Элен ускорила шаг, хотя в юбке и на каблуках не побегаешь; она вдруг вся взмокла, а сумка так тянула ей плечо, что плащ соскользнул к локтю. Но дойти до машины она не успела. Ливень со всей мощью обрушился на город, на вмиг опустевшие улицы, и она бросилась вперед бегом, вскинув плечи и опустив голову, сжимая в

руке мобильный. Вокруг нее куда ни глянь – блестящий от воды асфальт, струи безжалостно секли капоты машин и фасады домов, в воздухе витал запах свежевыстиранного белья, а небо спряталось за тучами.

Запрыгнув в свою «вольво», Элен должна была признать: это катастрофа. Ее длинные волосы прилипли к голове, они находились в самом неприглядном виде, напоминая то ли половую тряпку, то ли переваренную лапшу. Одежда промокла насквозь, отяжелела и стала слишком тесной. Швы впивались в нее при каждом движении, а кожаная юбка словно приклеилась к заднице. Она достала из бардачка упаковку бумажных салфеток и попыталась хоть как-то минимизировать последствия. Пока она возилась, лобовое запотело изнутри, и она уже не могла разглядеть, что творится снаружи, лишь расплывчатые тени. И вот она сидит в машине наедине со своим отчаянием под раскаты грома. Неудачница. Элен взглянула в зеркало заднего вида на свой размытый макияж.

– Капец, – процедила она сквозь зубы. У нее пересохло в горле.

Ей захотелось ощутить физическую свободу, она потянула блузку с боков, и тут две пуговицы куда-то отлетели. Шелковая вещица с цветочным рисунком за двести евро, и уже порвалась – можно было выбрасывать. Еле сдерживаясь от желания расколотить все вокруг, она ухватила за руль обеими руками, плотно сжав губы. Дождь все так же лил как из ведра, мощный, неумный, с молотящим речитативом. Город за стеклом напоминал теперь мутную зелено-серую камю. Она была совсем одна.

Элен быстро задрала юбку до самых бедер. Часто задышала, словно хотела разрыдаться. Спина у нее покрылась испариной, затылок горел. Раздвинув ноги, она правой рукой быстро проникла в трусики, в складочку своей вагины. Задвигала двумя пальцами, быстро-быстро, ягодицы вжаты в кожу сиденья, отточенным движением, с жадной настойчивостью надавливая и поглаживая свой набухший бугорок. Ее промежность была совсем податливой, и глубоко внутри она уже предвкушала это сладкое ощущение, этакую округлость, все теплее и теплее, что вертелась у нее в животе. Еще всего минутку – и она ускорила, зная, что делает, словно забавляющийся ребенок. Она освоила это умение очень давно и совершенствовалась без устали. Это была ее улада, ее право. Конечно, она обожала заниматься любовью с мужчинами. Мощь их тел, волосы на теле, сочный запах. Они управляют тобой, крепко сжимают, ты чувствуешь себя такой маленькой и испытываешь под их тяжестью огромное наслаждение. Она все это любила, и даже неудачи все равно обладали какой-то особой остротой. Однако вот это занятие, только для себя самой, деликатное и бесстыжее, ублажение своей вагины и легкое достижение экстаза, никогда ей не надоедало. Она часто себя ласкала, и влюбленная, и беременная, и абсолютно счастливая, в душе, по утрам, на работе, иногда в самолете, иногда в машине, если ей приспичит. Случалось, желание охватывало ее с такой силой и непреклонностью, что ей приходилось съезжать на аварийную полосу.

Сейчас, в душном салоне машины, она мастурбировала быстро, порой прикрывая глаза или провожая взглядом нечеткие силуэты в замутненном окне, представляя сцены, которые всегда возбуждали ее. Элен кончила мгновенно – такое чистое, предвкушаемое удовольствие, разрядка без партнера – и сразу успокоилась, по крайней мере, ее досада почти улетучилась.

Как бы то ни было, она вполне расслабилась для свидания. Окончательно прийдя в себя, Элен отправилась в путь. Теперь ей все нипочем.

2

Корнекур оказался местом невзрачным. Сонный городок со своей церковью, кладбищем, зданием мэрии в стиле семидесятых, промзоной, общей с соседней коммуной, коттеджными поселками, растущими по периметру, как грибы после дождя, и так называемым центром, где кучковались привычные заведения: бар с тотализатором, пекарня, мясная лавка и агентство недвижимости, которым заправляли двое типчиков в пижонских свитерах.

Рождаемость здесь была невысокой, население старело – но муниципальный бюджет держался на уровне, в основном благодаря гигантским налогам, поступающим от расположенной неподалеку норвежской целлюлозной фабрики, название которой не мог выговорить никто из местных. Но процветание не отменяло ни того факта, что уже в первом туре всегда побеждал «Национальный фронт», ни привычки аборигенов обвинять во всех грехах «ясно кого». Задетое боковое зеркало могло вызвать реакцию, подпадающую под уголовку, а граффити, появившиеся на стенах, скажем, культурного центра, чуть ли не вели к крестовому походу. Так что у стойки «Единорога» – быстро с табачным киоском – завсегдатаи нередко выплескивали агрессию, правда, не выходящую за рамки «ля-ля». В теплую погоду они попивали на террасе «Оранжину», ноль-пять «Стеллы Артуа» и розé со льдом да скоблили полосочки на лотерейных билетах за обсуждением политики, скачек и притока эмигрантов. К пяти вечера подваливали маляры в робах с побелкой, вечно озабоченные коммерсанта, турки-строители, в жизни не выдавшие официальных зарплат, – всем не терпелось принять на грудь, чтобы смыть с себя тяготы дня. Женщин было немного, в основном с кавалерами. Помимо этой непостоянной клиентуры при заведении обретались, наряду с тропическими растениями, великолепные пропойцы-завсегдатаи. Фотографии Лино Вентуры и Жака Бреля на стенах точнехонько передавали дух этого места.

Корнекур получил свое имя по названию прудов, разбросанных к северу от него, словно пригоршня монет, и тянувшихся несколько километров, украшая пейзаж кувшинками и тростником. В пасмурные дни их неподвижная поверхность напоминала лужицы ртути, по которым скользили облака и перелетные птицы – заморские гости. Эту территорию постоянно оккупировали рыбаки, чье незримое присутствие издавала диагональ спиннингов. Весной здесь появлялись подростки на горных великах и сотни семейств, выбравшихся на природу. Идеальное место для первой сигареты, поцелуев всасос тайком от посторонних, сборищ молодежи с выпивкой вокруг костра или прогулки с собакой.

Здесь обитало пятнадцать тысяч человек – среди клочков природы, заброшенных ферм, малоиспользуемых круговых развязок, рядом со стадионом, жалкого вида пунктом неотложной помощи и каналом, делившим городок надвое. В этой дыре три поколения одной семьи могли жить в двух улицах друг от друга. Ночью все было тихо, пусть местные легавые и носили пуленепробиваемые жилеты. Шествие на св. Николая в декабре и костры на св. Иоанна в июне раскачивали ритм размеренно текущего года. Летние периоды жарыши приводили в бешенство службы по уходу за пожилыми. Тут все знали друг друга в лицо. А мэр избирался беспартийный.

Собственно, с ним у Кристофа Маршала и была назначена встреча. Он ежемесячно доставлял мэру сухой собачий корм – как минимум три мешка. Тот всю жизнь знал Кристофа и обращался к нему на «ты» – как и ко всей молодежи, родившейся и выросшей в округе. Кристоф же в ответ такого себе не позволял. Когда он парковался, то, из определенной субординации, специально выбрал место подальше от «рейндж-ровера» папаши Мюллера. А тот как раз вышел из дома в резиновых сапогах и кепке с логотипом.

– А, вот и ты! – воскликнул он и, приподняв кепку, почесал голову.

Кристоф в ответ лишь улыбнулся. Они обменялись рукопожатием, и мэр окинул Кристофа взглядом с головы до ног.

– Гляди-ка, никак на свадьбу собрался?

Кристоф был в белой рубашке и новых ботинках, что действительно придавало ему парадный вид. Папаша Мюллер решил, что подобный наряд намекает на романтическую встречу, и высказал свое одобрение, мол, верно, надо брать от жизни все. Каждое слово, слетающее с его губ, громыhalo тяжелым вогецким акцентом – Бюссан, Ле-Толи, Ла-Бресс, все места сурового климата, цветущих лугов и тягучих гласных. Не стоило, однако, принимать на веру эту маску простака. Мэр был богат, хитер и опасен. За свои пять сроков у власти он сумел обломать не одного выскочку-карьериста. Кристоф выслушал его, улыбаясь и не перебивая, а потом открыл багажник своей «Пежо-308».

– В этом месяце это ваш четвертый мешок.

– Серьезно?

– В подарок от фирмы.

– А, отлично! Я тебе помогу. Давай-ка отвезем весь груз в приют.

Пока мэр пошел на задний двор взять тачку, Кристоф позволил себе осмотреться. Рядом с основным домом на участке стоял другой, почти двойник, только меньше в пропорциях – там останавливались приятели хозяина, как правило, тоже охотники. Немного дальше располагался собачий приют – здание со свежей штукатуркой, а метрах в двухстах дальше начиналась линия леса, граница владений. Но вот вернулся папаша Мюллер, и они стали грузить мешки в тачку.

– Значит, дела сейчас идут неплохо?

– Да грех жаловаться.

– А что с катком?

– Все потихоньку улаживается.

– Мерзотно вышло... Больше я туда ни ногой. Просто воротит от всей этой истории.

– Да, неприятно.

– Не то слово!.. Весь стоящий народ свалил. Если так пойдет, тебя попросят вернуться.

– Не исключено, – отвечал Кристоф.

Мэр рассмеялся, и они двинулись вперед – Кристоф толкал тачку, а папаша Мюллер шел рядом своей фирменной танцующей походкой.

В соседнем Эпинале уже с полвека тянулась весьма уникальная история, связанная с хоккейной командой. В зависимости от того или иного сезона, то опускаясь до низшего дивизиона, то взлетая до элиты, клуб города неуклонно притягивал внимание, что приводило к редким успехам, порой к сокрушительным поражениям, ко взлетам и падениям, которые, впрочем, не отваживали преданных болельщиков. В игровой сезон трибуны ледовой арены были забиты на каждом матче. Чинуши в строгих пальто сидели вперемешку с семьями мал мала меньше, золотая молодежь бок о бок с беззубыми алкашами, поглощавшими у буфета литры пива с «Пиконом», бизнесмены – в своих ВИП-ложах, а фанаты, с лицами, раскрашенными в цвета команды, выстраивались в очередь часов с трех, чтобы занять лучшие места. Каток был настоящей утробой, в которой, как нигде, зарождалось единодушие горожан – в стылом воздухе, под отдававшийся эхом скрежет стали о лед. Две тысячи глаз, пригвожденных к черному пятнышку, скользящему со скоростью пятьдесят километров в час. Вся община собиралась вокруг овального ледяного пространства на целых два часа – в ожидании голов, скоростных маневров, жестких столкновений. Всех объединяла общая страсть.

– Тебя что, и впрямь просят вернуться?

– Ну, идут разговоры...

– И ты еще готов играть в твоем возрасте?

– Может быть...

Два года тому назад казалось, что клуб пришел в упадок из-за финансовых проблем, возникших в результате гиперамбициозной кадровой политики, приведшей к их взлету на вершину турнирной таблицы, а потом к полной катастрофе. После процедуры «судебного оздоровления» всех бешено дорогих чехов, словаков и прочих канадцев и след простыл. Игроки запаса теперь старались поддерживать этот тонущий корабль в доках второго дивизиона. Кристоф втайне думал, что он не против. Хоккейные годы были лучшими в его жизни.

– Возможно, тебе придется несладко, – продолжал мэр. – Ведь твоей сильной стороной всегда была скорость...

– Есть чем компенсировать. Новым опытом...

– И габаритами.

Папаша Мюллер метнул на Кристофа взгляд, полный злорадной издевки. Тот действительно сдал в последние годы. Образ жизни коммерсанта не слишком способствует поддержанию формы – эти бесконечные возлияния в ресторанах, разъезды за рулем по восемь часов в день. Сжав ручки тачки со всей силы, сорокалетний форвард выдавил из себя улыбку:

– Крепыши команде тоже пригодятся.

Папаша Мюллер тут же вспомнил о большом путешествии вместе с подростками и их родителями, много лет назад, на стажировку в Канаду.

– Ты помнишь тех монстров? – воскликнул он.

Еще бы Кристоф не помнил. Там в каждой команде был свой громила, защищавший менее накачанных, но более техничных игроков. Доля вышибалы была не из простых. Но для парней-выходцев из убогих деревень роль костолома оставалась единственным способом выбиться в люди. Кристоф до сих не мог забыть одного парня откуда-то из глуши Онтарио: уже в двадцать пять резцы у него были вставные, а в правой скуле стояла металлическая пластина. Перед каждым матчем бедняга молился на коленях в углу раздевалки. Но когда дело доходило до взбучки, он не колебался: тут же отбрасывал перчатки и бросался в самую гущу. В Америке некоторые вышибалы становились настоящими легендами. Запугивание противника было одним из правил, да и что говорить – добрая половина зрителей приходила на матчи именно ради этого, эмоциональной встряски, ради ощущения, что хотя бы на пару минут пространство игры становилось местом схватки не на жизнь, а на смерть.

– В любом случае, ты никогда не был быком, – заметил Мюллер. – А в сорокет поздновато этим баловаться...

– Как посмотреть, – ответил Кристоф.

Он не улыбнулся, но старикан все равно расхохотался, этакий хозяин жизни, весельчак, уже лет пятьдесят уверенный, что просек, как все устроено.

Приют встретил их коротким залпом лая, который Мюллер унял, лишь раз свистнув сквозь зубы. Зверюги тут же стихли, и слышен был лишь цокот их когтей по холодному бетону, звяканье ошейников да влажное дыхание от нетерпеливого хождения взад-вперед. В помещении содержалось с десятков гончих, каждая собака в своем вольере – стены в белой плитке, высоко под потолком зарешеченные окна; несмотря на въевшийся резкий запах, здесь царила чистота. Мужчины направились вглубь помещения, где стоял герметичный контейнер для корма, и принялись без лишних слов за работу: Мюллер взрезал мешок ножом, а Кристоф высыпал содержимое в контейнер. Потом он отряхнул одежду от крошек и достал из кармана счета и квитанцию.

– Будьте добры вашу подпись...

Папаша Мюллер по диагонали проглядел бумаги, потом, не поднимая глаз, велел Кристофу нагнуться. Тот подумал было, старик шутит, но нет, тот говорил на полном серьезе. Делать нечего, Кристоф нагнулся, уперевшись ладонями в колени, и стоял так, пока мэр подписывал документы у него на спине. А заканчивалась роспись двумя точками – довольно ощу-

тимые уколы. И все это время одна псина, подойдя совсем близко и усевшись на задние лапы, глядела на него со слегка меланхоличным выражением своих блестящих глаз.

Несмотря на пережитое унижение, Кристоф не мог не высказать мэру свою признательность: было видно, что о животных здесь искренне заботятся – а это случается не так часто.

– Я за них отвечаю, что еще тебе сказать?

Мэр был явно растроган. Он снова почесал голову, на секунду сняв кепку, а потом сказал:

– Пойдем, покажу тебе одну прелесть.

Они вышли из ангара и двинулись в сторону леса. Уже издалека Кристоф разглядел два небольших строения, обнесенных забором с колючей проволокой поверху.

– Новые, да?

– Для себя любимого, – ответил старик, похлопав его по плечу.

Они зашагали по лугу под небом цвета грифельной доски, по которому лениво тянулись тучи, как бы намекая на возможность дождя. Вокруг них куда ни глянь раскинулись поля, совсем вдалеке отороченные серой грядой деревьев, а в воздухе густой собачий дух смешивался с не менее сочным ароматом почвы и вольного пространства. Они шли, пробуждая в высокой траве приятный шорох, интимный и почти убаюкивающий, словно колыбельная.

– Сейчас увидишь, – сказал Мюллер и отпер калитку.

Эти домики, в сущности, представляли собой немного более комфортабельные вольеры, возле которых стояли миски с водой и сухим кормом. Мужчины присели на корточки у входа, и, когда глаза привыкли к полумраку, Кристоф разглядел в глубине два пушистых комочка – силуэты прелестных щенков, спавших на клетчатых пледах.

– Кто это?

– Тибетские доги.

– Неужели!

– Говорю же. Идем ближе.

Снова присев, мужчины принялись гладить тяжеловесных зверенышей. Шерсть у них была нежнее шелка, а под ней быстро-быстро бились ретивые сердца. Воистину великолепные создания.

– Но где вы их раздобыли? В наших краях они большая редкость.

– Через испанский канал.

– Сколько?

– Две штуки каждый. Плюс перевозка. Их отец был чемпионом.

Кристоф присвистнул. В последнее время эта порода вдруг вошла в моду, и стоимость щенков с хорошей родословной взлетела до небес. Один был даже продан кому-то в Китае за миллион евро. Кристоф взглянул на часы.

– Второго могу оставить для тебя, – бросил мэр с самым серьезным видом.

Тут один из щенков встал на все четыре лапы, медленно повернулся вокруг себя и улегся снова, одарив их томным взглядом.

– Этого зовут Джамбо. Во взрослом возрасте обещает достичь веса в шестьдесят два кило.

– Красота – она и есть красота, – заметил Кристоф.

Животных он любил больше всего на свете. Ну и кроху-сына, конечно, кстати, немного напоминавшего щенка – те же наивные ухватки, то же первозданное, непосредственное восприятие жизни. Порой, наблюдая за ним, когда тот на диване смотрит телевизор в невообразимой позе, босоногий, вниз головой, Кристоф думал про себя: «Вот оно. Моя кровиночка, мой мальчик». После чего его охватывали мысли о будущем, о матери малыша, такие мучительные, что он не выдерживал и выбегал из комнаты.

– Но характер у зверюг не сахар, – продолжал папаша Мюллер. – Я никогда не встречал таких упрямых гадов. Для охраны лучше не найдешь. А ведь в итоге продам их какой-нибудь шлюхе на большом джипе.

– Я читал безумную историю, как один китаец купил такого вот щенка. Тот рос не по дням, а по часам. И жрал без остановки, в астрономических количествах. Пока в один прекрасный день не поднялся во весь рост на задние лапы. Тогда наконец до всех дошло.

Заводчик, нахмутив брови, повернулся к Кристофу в ожидании развязки. Вблизи на его лице можно было различить целую карту тончайших сосудов на щеках и на носу, от алых до багровых. И всегда невольно хотелось проследить путь одной из этих тропинок, найти его сквозь толщу кожи.

– Им продали медведя.

– Кроме шуток?

– Да клянусь вам.

Лицо заводчика вдруг озарилось совсем ребяческим выражением, и, хлопнув себя ладонью по колену, он воскликнул:

– А-а-а! Ну и кретины эти китаезы!

Непостижимая, бесчисленная орда, где-то там далеко, нация желтокожих, довольно неказистых, но пугающе работоспособных существ. Мюллер представил их в обнимку с медведями и страшно развеселился. История приняла в его воображении ясные и смешные очертания, словно сценка из комикса «Голубой лотос».

* * *

На обратной дороге к дому Кристоф снова взглянул на часы, а потом на небо, серое, пасмурное. К тому времени оно совсем отяжелело, и крупные капли начали унизовать тропинку перед папашей Мюллером, катившим пустую тачку. Кристоф дважды предложил свою помощь, мэр Корнекура отверг ее напрочь. Так они и брели, двое мужчин, помоложе и постарше, по заросшему дикими травами необъятному полю, два черных силуэта на фоне горизонта, раздавленные безмерностью небосвода. На полпути Мюллер, впрочем, решил передохнуть и промокнуть лицо носовым платком. Эта нагрузка на свежем воздухе пошла ему на пользу. Он весь покраснелся, задышал полной грудью, глаза, несмотря на начинавшуюся катаракту, блестели. Кристоф вдруг задумался о его возрасте. Сколько он себя помнил, мэр был пожилым лысым местным царьком в нелепом костюме, богатым, но не кичливым, предельно расчетливым, из той породы коммерсантов, при которых наследники шелковые, а после как с цепи срываются.

Переведя дух, мэр поинтересовался, слышал ли Кристоф о последнем заседании муниципалитета.

– Краем уха. Мне отец пересказал.

– Эта Марина, похоже, долго не протянет.

– А-а...

Во время этого памятного заседания даме-заммэра по организации мероприятий и коммуникациям внезапно стало плохо, и ее пришлось отвезти в отделение неотложной помощи. Уже какое-то время в кулуарах мэрии шептались о ее постоянных недомоганиях, не раз наблюдали дрожь, резкую бледность. Однажды на показательном выступлении по твирлингу ей пришлось прервать свою речь прямо посередине и присесть с затуманенным взглядом под предлогом головокружения. Все эти симптомы вызвали слухи о различных диагнозах, насколько фантастические, насколько и «точные». Ей было всего шестьдесят два, что породило множество предположений из области метафизики, а также немало амбиций.

– Я тут подумал, это должно бы тебя заинтересовать, – заметил вскользь папаша Мюллер. Кристоф вскинул брови:

– Меня?

– Ну да. Ты здесь свой парень. Люди тебя знают. И потом, твое имя ассоциируется в наших краях с приятными воспоминаниями.

Его густой акцент нагружал каждое слово привычной вескостью, убеждая и подчиняя своей воле. Кристоф задумался. В самом деле, он был довольно известен благодаря подвигам на льду. Финал 1993 года оказался навсегда запечатлен в сердцах горожан.

– Кроме того, твоя рожа будет суперски смотреться на предвыборных плакатах, – хохотнул мэр.

Кристоф опешил. Но все же улыбнулся. Он терпеть не мог такие дурацкие ситуации. Сколько он себя помнил, всегда уступал людям. Слово «нет» давалось ему с трудом.

– Так что? – не отставал мэр.

– Даже не знаю, что вам сказать.

– Говори «да», и все тут! Делов-то.

– Да я никогда такими вещами не занимался.

– Не бином Ньютона. Когда кто-то приходит к тебе с предложением, говоришь, это потрясающе! От социалистов держись подальше, а остальное по накатанной: «сосуществование», «демократия», «развитие региона», сам поймешь. Да, и всегда соглашаешься с любыми претензиями.

– Знаете, у меня нет на это времени, – сказал Кристоф.

Старик отвернулся и словно принялся к поднявшемуся вдруг ветру, из-за него одежда теперь облепляла все тело.

– Ты всерьез намерен вернуться на лед? В твоём возрасте?

Кристоф низко наклонил голову и ничего не ответил. Он задумался. Никто просто не понимал. Ведь каждый матч вел к следующему, каждая цель порождала новую. Все это продолжало жить в нем, память тела, до самых костей. Многие представляют себе спортивную карьеру так: медали на стене плюс чувство гордости за достигнутое. Да все наоборот! Семь лет прошло, как он снял коньки, но до сих пор во сне его охватывало это чувство скольжения, восторг от кляцанья шайбы в воротах, руки напряжены, мир вихрем вращается вокруг, публика орет. В плечах, в мышцах, особенно в руках, он как сейчас ощущал все эти автоматические, полузабытые движения. До того, что порой ему бывало почти больно.

Наконец он поднял голову и посмотрел мэру прямо в глаза.

– Уж простите. Не могу дать ответ прямо сейчас.

Папаша Мюллер пожал плечами и повел головой, как будто оценил шутку.

– Лады. В любом случае, мы к этому вернемся.

К радости Кристофа, у него в кармане завибрировал телефон. Звонил отец.

– Прошу прощения, я должен ответить. Я вас догоню.

И мэр Корнекура зашагал в одиночестве в сторону дома, постепенно уменьшаясь вместе со своей тачкой, а небо там, далеко, на горизонте, клонилось к земле.

– Алло.

На другом конце отец Кристофа с жаром затараторил. Обо всем сразу – о внуке, о том, который час, об учительнице, о других детях в школе. Кристоф прилежно слушал, прижав телефон ухом к плечу и наклонив голову, защищаясь от ветра. Несколько раз он произнес «да, да», пару раз «ладно» и пообещал перезвонить через пять минут. Наконец отец дал отбой, и Кристоф подошел к мэру, который ждал его, прислонившись спиной ко внедорожнику.

– Как там твой старик? Порядок?

– Да-да, спасибо.

– Передай ему от меня привет.

– Обязательно.

Они пожали друг другу руки. Папаша Мюллер сказал, что его предложение остается в силе. По крайней мере, на время. Кристоф поблагодарил его, обещал подумать. Уже отъезжая, он увидел в зеркале дальнего вида, что мэр стоит в той же позе и смотрит ему вслед, крепко упершись ногами в землю, неумолимый, как судья, даже хуже.

* * *

Первые капли упали на дорогу ровно в тот момент, когда Кристоф припарковался на обочине. Поставив машину на ручник, он взглянул на небо через лобовое стекло. И тут ливень хлынул, как падает театральный занавес, мгновенно скрыв весь пейзаж. Прежде чем перезвонить отцу, Кристоф сделал несколько неспешных затяжек электронной сигаретой.

- Пап, алло!
- Ты пытался мне перезвонить?
- Я *сейчас* тебе перезваниваю.
- А я тут стогнял и забрал мальчика из школы.
- Что случилось?
- Да все то же. Мелкие паршивцы достают.
- Что они ему сделали?
- Не знаю. Он плакал всю дорогу.
- Навалили?
- Не знаю. В общем, он больше не хочет туда ходить.
- Ты спросил его, в чем дело?
- Он не рассказывает.
- Я еще раз попробую поговорить с его классной.
- Да ты уже ходил к ней. И никакого толку.
- Тогда чего ты от меня хочешь?
- Это твой сын. И если ты пас, за дело возьмусь я.

Теперь уже нельзя было различить предметы снаружи – только слышалась барабанная дробь дождя по капоту. Кристоф почувствовал, как у него задрожало правое веко, и прикоснулся двумя пальцами к малюсенькому шраму под самым глазом: это место потеряло чувствительность после одного неудачного столкновения.

– Есть там один гаденыш, – продолжал отец. – В красных кроссовках. Если он не отстанет, я его подкараулю, и тогда пусть пеняет на себя.

- Дай мне Габриэля, прошу тебя, – сказал Кристоф.
- Пара секунд, и он услышал тонкий, слегка шепелявый голосок.
- Алло.
- Привет, зайка! Как дела?
- Все хорошо.
- Как в школе?
- Хорошо.
- Деда говорит, ты плакал.
- Чуть-чуть.
- К тебе пристают, да?

Мальчик не ответил, и Кристоф снова ощутил острое одиночество, сидя в машине под глухое раскатистое эхо дождя. Он снова присосался к сигарете, да так остервенело, что в груди обожгло.

- Ты справишься?
- Да, – тонкий голосок на другом конце.
- Ладно... Дашь мне деду, хорошо?

Кристоф мигнуть не успел, как отец уже схватил телефон.

– Ты сегодня поздно вернешься?

– Да, задержусь.

– Примерно во сколько?

– Думаю, к полуночи. Ты же знаешь, я говорил. У нас встреча с его матерью.

– А этой что еще понадобилось? – пробурчал старик.

– Да ничего. Надо обговорить кое-что, насчет каникул, все такое.

– Ладно. Я тогда пожарю пончики. С черничным вареньем. Отличный способ поднять настроение.

– Хорошо... Постараюсь вернуться поскорее.

– Ну ладно, счастливо тебе. Не скучай.

– Скажешь тоже...

Может, ему следовало все же заглянуть домой перед встречей с Чарли. С тех пор как они расстались, он жил у отца, вместе с сыном, когда была его очередь. Но одна мысль о том, чтобы оказаться в этом огромном, плохо отапливаемом сарае, со специфическим запахом старости и ветоши, представляя, как придется слушать доносящиеся из гостиной дебильные новости с *BFM* и наблюдать парад тапок у входа, отбила у него такую охоту.

Кристоф поехал дальше, прокручивая в голове одни и те же мысли, машинально затягиваясь сигаретой. Всю жизнь он будто сидел на двух стульях. В детстве служил своего рода буфером между отцом и матерью. Потом возникали другие дилеммы века: спорт или учеба, Чарли или Шарлотта Брассар, а теперь вот это, ледяная пропасть между его отцом и матерью мальчика, которая стала еще глубже, когда она объявила о своем намерении переехать.

– Только через мой труп, – предупредил отец.

Кристоф помнил эту сцену как наяву. Старик смотрел телек. По кабельному каналу показывали передачу, в которой бригада мастеров якобы ремонтировала дом снизу доверху почти задаром. Отец не удосужился даже отвести взгляд от экрана.

– Я вообще не понимаю, как ты ей позволяешь такое говорить.

Просто фантастика, как ладили эти двое, отец и внук. Если вечером Габриэль не хотел вовремя ложиться, Кристоф всегда мог рассчитывать на поддержку деда, и не раз случалось, что они так и засыпали на диване вместе – мальчик с румяными щечками и храпящий старик. Кристоф даже представить не мог, на что окажется способен отец, если кто-то посмеет отобрать у него мальчика.

Кристоф подъехал к Марко в шесть с небольшим. Они дружили сто лет, и тот тоже жил в родительском доме, но сам по себе – отец его умер, а мать находилась в доме престарелых. Строение стояло на отшибе, километрах в десяти от шоссе, в месте, которое и деревней не назовешь, не то что городом. Участки здесь некогда стоили гроши, и его родителям повезло построить дом своей мечты за вполне вменяемые деньги. Десять соток земли, два этажа, три спальни, две ванн комнаты. Когда Марко был в ударе, он даже поговаривал, не вырыть ли бассейн.

Что ни говори, друзьям здесь всегда были рады. Буфет, набитый солеными хрустяшками, и бочка с холодным пивом в подвале тому подтверждение. И если обычно время приезда назначалось, то, кто когда отчалит, предсказать было сложнее.

– Надо же! – воскликнул хозяин поместья, отпирая ворота. – Какими судьбами?

Марко был великан с душой ребенка: такие уже в пятнадцать весят под сотню, но у них напрочь отсутствует соответствующий внешности темперамент. От одного взгляда на его добродушную физиономию в обрамлении кудрей Кристофа отпустило.

– Просто проезжал мимо и увидел твою тачку.

– Время аперитива, – заметил Марко.

– Да я ненадолго.

- Ты же только приехал.
- Ты один?
- Ну да.

Марко зарабатывал как шофер санитарной легковушки – колесил по дорогам за рулем белого «Пассата» с двумя синими звездами по бокам на максимальной скорости под музон *Fun Radio* в магнитоле. Круглый год он возил пациентов с почечной недостаточностью, лейкозников да стариков-диабетиков, нуждавшихся в высокотехнологичной помощи, в университетскую клинику Нанси. Он знал каждый клочок местных дорог, все самые дешевые заправки, все места, где висели радары. За все годы карьеры лишь один штрафной балл. И ни малейшего аварии с 2007 года.

- Что будешь пить?
- Ничего. Что и ты.

Друзья прошли через кухню, в которой ничто не менялось с тех пор, как ее обустроила мать Марко. На буфетном шкафу красовалась картина в наивном духе, изображавшая двух лесорубов у саней на склоне горы. На столе – ворох счетов и каталоги «Даксон».

- Пойдем-ка во двор, я приладил одну штуковину – ты офигеешь.
- Прогнозем же к чертям.
- Да ладно, пошли.

Марко взял из холодильника два пива, прихватил фисташек, и они вышли на террасу, защищенную от ветра идущим поверху балконом. Там Марко установил два вертикальных обогревателя-зонта и новую садовую мебель. Он включил агрегаты – и друзья словно перенеслись в Бразилию.

– Ну и жарень, а? – воскликнул здоровяк, светясь от счастья. – С этой штуковиной при желании и на Рождество можно барбекю забачать.

– Ну ты debil, – сказал Кристоф сквозь смех и затянулся электронкой. – Жрет небось немерено.

- Марко причмокнул – другой пожал бы плечами, – и они уселись на пластиковые стулья.
- Будем.
- За тебя, малыш.

Оба сделали по большому глотку пива и какое-то время просидели ничего не говоря, наслаждаясь теплом и тишиной. Потом Марко поднялся и включил фонари – они осветили лужайку, пышные кроны деревьев, а в нескольких метрах стала видна натянутая веревка с висющими на ней прищепками.

- Зырь сюда!

Марко притащил стоявший в углу карабин с пневматикой и прижал к плечу. Раздался тихий глухой щелчок – и одна из прищепок быстро-быстро завращалась на месте.

– А-а, зашибись! – заорал в восторге Кристоф. Он отставил свое пиво, захотев тут же попробовать.

- Видал?
- Слушай, это же идея века!

Марко просиял. Он преломил карабин и, вставив новую пульку, передал его Кристофу. Тому понадобилось три выстрела, прежде чем удалось сбить с веревки одну прищепку, которая упала на траву к другим жертвам. Очевидно, Марко не первый день так развлекался.

- Как ты до этого додумался?
- Нашел в подвале карабин братишки. Честно, такой релакс после работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.